

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ АРАБИЗМОВ И ТЮРКИЗМОВ В КИТАБЕ КУ-1446

Г Мишкинене

Существуют два способа пополнения лексического состава: словообразования и заимствования. Между ними стоит и третий, который объединяет в себе момент словообразования и заимствования. „В лингвистической науке этот способ принято называть калькированием, а слова, образованные этим способом, – кальками“ [Шуба, 1965, 41].

Практически к калькированию прибегают тогда, когда перевод по каким-либо причинам невозможен, а заимствований пытаются избежать. Калькирование заметно активизируется как способ пополнения лексического запаса при взаимодействии родственных (или чужих) языков тогда, когда в одном из языков лексический пласт более развит, богат и дифференцирован, чем в другом языке.

Калькирование используется в том случае, когда возникает наибольшая необходимость точно передать не только значение слова, но и его форму. Такая необходимость возникает при переводе терминов или слов, значение которых в переведенном тексте приближается к терминологическому.

Попытка определить, каким из трех методов пользовались переписчики оригинальных старобелорусских текстов, писанных арабидцей в середине XVII-го века, и является основной целью данной статьи.

Быстрая утрата родного языка литовскими татарами в XVI в. [Шмилевич, 1905, 7], обусловленная рядом экономических, политических, социальных и религиозных причин [Дубинский, 1972, 85; Łaricz, 1986, 41], привела к необходимости перевода непонятных арабских текстов молитв, легенд о пророке Магомете, сур Корана на белорусский, а позже и польский языки.

Характерной особенностью этих памятников является то, что они не создавались вновь, а на различных исторических этапах претерпевали незначительные изменения и дошли до нас в первичном варианте перевода, когда переводчик ещё хорошо знал язык оригинала. В дальнейшем памятники могли переписываться просто грамотными людьми, не знающими арабского или турецкого языков. „Вообще книги переписывались людьми, не имеющими всестороннего образования, поэтому содержание их на протяжении веков оставалось неизменным. Если переписчик не знал арабского или турецкого языков, его ошибочно написанную фразу повторяли и другие переписчики. Отсюда и появляются так называемые искажения... Иногда среди переписчиков встречался человек, знающий мировую и религиозную литературу. Такой переписчик содержание Китабов дополнял своим творчеством...“ [Kričinskis, 1993, 189].

Традиционно сокрытые арабскими литератами тексты Китабов, т. е. книг, отличались от аналогичных канонических текстов на старобелорусском языке. Во-первых, тексты Китабов с отражением на письме аканья, цеканья, дзеканья, тяготели к живому разговорному языку, а в текстах на старобелорусском языке использовались устойчивые модели графики церковнославянского языка. Высокая техника и точность копирования собственно старобелорусских текстов поддерживалась непрерывностью традиции церковно-славянского литературного языка. Во-вторых, основой для унификации орфографии и морфологии были правила, позволявшие получить „правильную форму“, используя доступную лингвистическую информацию: 1) книжное произношение, установленное в результате богослужебного употребления текстов, 2) факты разговорного языка, которые могли служить для проверки книжных форм. Для текстов Китабов доступным правилом являлось второе, а что касается первого, то богослужение у литовских татар проходило на непонятном им арабском языке, а пояснения на белорусском языке были рассчитаны на прочтение глазами про себя, а не на произношение вслух. Для канонических текстов на старобелорусском языке характерны оба правила унификации орфографии и морфологии.

В. Живов [1988, 43] писал: „Старославянский, шествуя по славянским землям, переживает новую адаптацию, образуя отдельные изводы церковнославянского языка. Извод – это формирование новой локальной нормы, противопоставленной другим локальным нормам. Нормы эти прежде всего относятся к уровню орфографии и флексии, в области лексики и синтаксиса границы нормативности размыты“. Локальные тенденции такого рода характерны и для письменности восточных и южных иноверцев (мусульман, католиков, протестантов). Микролокальный литературный язык литовских мусульман находился вне сферы древнеславянского литературного языка [Толстой, 1988, 42].

Обратимся к памятнику середины XVII в. КУ-1446 (китаб Казанского университета), транслитерация которого была выполнена В. Чекмонасом и Г. Мишкинене по фотокопии, выверенной А. Антоновичем и хранящейся в его архиве [рукописный фонд библиотеки Вильнюсского университета, сигнатура F150–220].

Старобелорусский текст в китабе КУ-1446 занимает 35 листов (с 41 по 76, 42 лист утерян) [Мишкинене, 1994, 76].

Палеографическое описание памятника было выполнено А. Антоновичем [1968, 120–131].

На первой же странице 41а читаем: „ѡа хѡдина сѡуу книгу ис фарсѡйскѡбѡ и с турецкѡбѡ ѡзыка на рускѡй ѡзык перелѡжил дле невмилих“ – это уже само по себе предполагает наличие заимствований из этих языков – посредников и языка оригинала – арабского. Можно выделить (см. таблицу) три группы слов и выражений иноязычного происхождения: тюркизмы, персизмы и арабизмы.

Тюркизмы	Значение	В тексте	Замечания по употреблению
ахшам, акшам	вечер; вечерняя молитва	ахшам (5966)	в тексте без изменений и пояснений
икинди	время после обеда; после-обеденная молитва	акинде (5866) акинди (5868)	в тексте без перевода и→а; и→е

йатси	молитва после захода солнца	йеџци (5967)	а→е: с→ц в тексте употреблено без перевода
ойле	полдень; полуденная молитва	ойле (5861)	в тексте употреблено без перевода и фонетических изменений

Персизмы	Значение	В тексте	Замечания по употреблению
намаз	молитва	ку намазу (5568); намаз (5761). (58a9) немазбм (5963)	сущ. м. р. ед. ч. Д. п. а→е м. р. ед. ч. И. п. м. р. ед. ч. Т. п.
пейгамбер	пророк	бейг'амбер (4168); (4465)	сущ. м. р. ед. ч. И. п. п→б

Арабизмы	Значение	В тексте	Замечания по употреблению
айат (ж. р.)	стих в Коране	айеџа (61a2) айеџов (73616)	в тексте употреблено как сущ. м. р. в словосочетаниях: теџо айеџа, с курановух айеџов. а→е
ал-хамд	хвала Богу	алхем (4162)	отсклосло конечное -д: а→е
ал-тахиййат	приветствие	у аттахиййату (56a3)	вместо удвоенного -й видим удвоение -т
байт мам'ур	название дома на 7-ом небе	бейтий мем'ур (6768)	в тексте употреблено с переводом: дом один божий светий функционирует как определение к сущ. има; а→е
ваджиб	обязательный, необходимый	ваджиб (59a10)	в тексте употреблено без изменений и пояснений

витр	нечетное число	вигри (59a9) виту (59a11)	сущ. мн. ч. Им. п. м. р. ед. ч. Р. п.
гази	сражающийся за ислам	на г'езийстве (60a8); г'азий- ов (74614)	абстрактная форма от арабского слова; в тексте буква – з пе- дана графически че- рез ۛ و ۛ, по норме –;
иман	вера	имановум (4164); за йман., йман (59612); йманова (59611)	прилаг. м. р. ед. ч. Т. п. ы–у сущ. ед. ч. м. р. в Вин. и Им. пад. прилаг. ж. р. ед. ч. Им. п.
к'афир	неверный	кафиров (5862); кафириндом (59613)	сущ. м. р. мн. ч. Р. п. дано с переводом – неверников (5862) сущ. м. р. ед. ч. Т. п. – без перевода
кийам	стояние, ри- туальный поклон	у кийам (56a2)	употреблено без изме- нений и пояснений
киتاب	книга	в китабе (5567), у кетабе (59614), в кита- бе (6565)	оформлено как сущ. м. р. ед. ч. П. п., и–е; слово дано без перевода, лишь в двух местах встретим написание – суйу книгу (41a5), уси четыре книги (58610) вместо ожидаемого слова китаб, которое в других строчках (61a9; 6868; 7268) пишется регулярно
лахма	тело	у лахме (56a2)	имеется в виду положение прострации во время молитвы; в тексте ошибочно упо- требляется как одно из наименований прострации в ряду лахме, у кийам, у ру- кеи... (56a2, 3); а–е

на'узу биллаги	Боже упаси нас	на'узу биллаги (5764)	в тексте употреблено с переводом – Боже оборони нас
рукӯ	один из ритуальных поклонов	у рукеи (56a2)	употреблено без перевода
сабах	утро; ранняя молитва	себах (58a9)	в тексте употреблено с переводом – ранний; а→е
садака	милостыня, подаяние	седеку (43аб, 484)	сущ. ж. р. ед. ч. В. п.; а→е; переведено в тексте – малый даток
саджа	один из ритуальных поклонов	у ъеджейи (56a3)	в тексте употреблено без перевода; а→е
салават	ритуальная молитва, прославляющая Магомета	селеват (41a4)	а→е; в тексте переведено как – хвалу пророку пивши (41a3, 4)
салām	приветствие	у селаме (56a3)	а→е; в тексте без перевода
самуна	нечто ценное	ъеменча (4467) ъеменчуйе	арабская основа-этимон + турецкий аффикс количества -ча; а→е; у→е
сафф	ряд, линия молящихся во время молитвы	в сафе (7564)	нет удвоенного согласного – ф, переведено – в ради (7564)
субха лаги	1-ая сура Корана	сбха лаг (60a2)	в тексте написано с частичной огласовкой
сура	часть Корана	сурей (4163)	сущ. ж. р. ед. ч. Р. п. с окончанием -ей, появившимся под влиянием польского языка
тасбйх	прославление, восхваление	ъеспихи (60a6)	сущ. м. р. мн. ч. Им. п., б→п, а→е

'умма	мусульманская община Магомета	уммети (58a8)	в тексте употреблено с переводом – котóрий би члòвек (58a9)
фал	предзнаменование, знак	фал (4167), от фалу (5063)	сущ. м. р. ед. ч. в Им. и Р. п.
фарз	обязанность, долг	не фарзи (60a4)	в тексте употреблено с переводом – не дòлг (60a4)
фир'авн	фараон, тиран деспот	фарауна (59a13)	сущ. м. р. ед. ч. Р. п., в→у и→а
хадждж	паломничество в Мекку	в хаджу (60a9)	нет удвоения согласных -дж, сущ. м. р. ед. ч. М. п. с окончанием -у, перенятым у древнерусского языка
халàл	нечто законное, дозволенное, разрешенное	хелалний (50a13)	а→е; оформлено как прилаг. м. р. ед. ч. Им. п., образованное при помощи суффикса -н
шадйд	жестокий, суровый, строгий	шедада (59a4)	а→е; и→а ; появилось удвоение -д; в тексте без перевода
шайтàn	сатана	шетанòв (6161), шетани (6163), шетанòм (6166), до шетана (63a9), шетана (63610, 6466), шейтан (63a12), шетану (74a4), шетане (74612)	имеем полную парадигму изменений слова шайтан по падежам; а→е; по словарной норме арабского языка -й в слове пишется нерегулярно
шурòт салават	условие молитвы	шуруту селоту (6565, 7268, 74a3)	в тексте употреблено без перевода

Во всех белорусских текстах XVII–XX вв., писанных арабским письмом, имеются тщательные огласовки [Антонович, 1968, 328–329]. Отсутствие огласовок в восточных выражениях и словах, обозначающих разного рода религиозные понятия, – явление, возможное в арабскоалфавитных рукописях и характерное для исследуемого китаба КУ-1446. Такое написание арабских выражений и слов появилось под влиянием турецкого письма, приемы которого для переводчика-составителя были привычными, а при переписывании дошли до нас в своем первичном варианте. Рассмотрим следующие примеры:

ЛА ИЛАГА ИЛЛАЛАГИ МУХАММАД РЕСУЛУЛЛАГИ (араб.) – нет Бога кроме Аллаха, Мухамед – посланник Аллаха – в тексте: ЛА ИЛАГА ИЛЛГ МХМД РСУЛ (59610).

КУЛ ГУВАЛЛАГУ АХАД араб. – скажи он – Аллах единственный – в тексте: КЛ ГВАЛЛГ АХД (5969).

АЛХАМДУ ЛЛИЛАГИ (араб.) – хвала Аллаху – а тексте: АЛХМД ЛЛАГ (60а3).

АЛЛАХУ АКБАР (араб.) – Аллах великий – в тексте: АЛЛГ АКБР (60а4).

БИСМИ ЛЛАГИ РРАХМĀНИ РРАХĪМ АЛХАМДУ ЛИЛЛАГИ РАББИ Л'АЛАМИН ВАССАЛАВĀТ 'АЛА МУХАММАДИН ВА АЛИГИ АДЖМА'ИНА (араб.) – во имя Аллаха милостивого, милосердного, хвала Аллаху – господину миров и благославения Мухаммеду и всему его роду – в тексте: БСМЛЛГ РРХМН РРХĪМ АЛХЕМДУ ЛИЛЛАГИ РЕББИ Л'АЛЕМИНЕ ВАССЕЛЕВАТ АЛА МУХЕММЕДИН ВЕ АЛИГИ АДЖМА'ИН (41a1, 2, 3). К данному арабскому выражению в тексте сделан перевод: при том хвалу богу и пророку селеваť пивши (41a3, 4).

АДАМ БЕЙГ'АМБЕР АЛЛЕЙГИ ССАЛАМ ДЖА'АФАР САДИК араб. – Адам – пророк мир ему, праведный Джаафар (4168). В тексте китаба выражение написано с огласовками и переведено: божийа би ласка над ним (4169).

В старобелорусском тексте китаба используются мусульманские имена пророков Адам, Исмаил, Йа'куб, Нӯх, Ша'иб, Йӯсуф, Зекерийя, Давуд, Сулейман, Муса и другие: а в части оракула (с.416–

55а) арабско-тюркские наименования звезд – мушфери, атаеф, атайераф, асад, кунус, зукул, маррйх, кемер.

Таким образом, говоря о проблеме адаптации арабизмов и тюркизмов в тексте китаба КУ-1446, можно выделить следующие особенности:

1. Адаптированные фонетически и морфологически кальки из арабского, персидского языков легко и свободно функционируют в тексте, не затрудняя прочтения и толкования рукописи.

2. Адаптированные кальки в китабе употребляются как с переводом, так и без него при многократном использовании в тексте.

3. Терминологические определения религиозного характера (в этой роли чаще всего выступают тюркизмы) и строчки молитв употребляются в тексте без перевода (5861, 6, 8; 5967; 5966; 5568; 56а2, 3; 60а2, 3) или со смысловым пояснением к ним (41а3, 4; 4169).

4. Что касается фонетических изменений типа а→е, то следует отметить, что отдельного знака для обозначения гласного „е“ в системе арабского алфавита для написания белорусских текстов не существовало; для его обозначения использовался знак гласного „а краткого“ < (фахта). Если учитывать то, что в тексте китаба для обозначения „а“ регулярно употребляется знак í (алиф с фактой), реже ĩ (алиф с шаддой), то во всех остальных случаях < (фахту) прочитываем как „е“. Это же правило используем при прочтении арабизмов и тюркизмов; можно предположить, что и сам переводчик (составитель или переписчик текста) придерживался данного правила, вводя заимствования в систему старобелорусского языка.

5. Графические ошибки в заимствованных словах такие, как смешение букв при написании слова, смещения при обозначении долготы и краткости гласных и согласных, нерегулярная огласовка религиозных выражений (что строго соблюдалось в коранических текстах и в молитвах) дает возможность предположить, что переписчик был просто грамотным человеком, не знающим арабского языка в полной мере и не пользующимся каким-либо источником для проверки правильности написания.

Проанализировав все случаи употребленных арабско-тюркских заимствований в тексте китаба КУ-1446, можно сделать следующие выводы:

1. Кальки из арабского и тюркских языков приспособлены к языковой системе старобелорусского языка.

2. Отсутствие какой-либо объяснительной глоссы при употреблении в китабе некоторых заимствований (как это имело место в случаях написания строк из молитв, слов: севеват (41а3), мусульман (41б1), сурей (41б2) и других) свидетельствует о том, что переводчик предполагал их знание у тех, для кого было предназначено данное произведение.

3. Употребление заимствований с параллельным к ним переводом на белорусский язык дает возможность предположить, что переводчик хотел ввести их в активное использование местными мусульманами.

4. Данные заимствования относим к группе экзотизмов по классификации, предложенной А. Булыка [1980, 210].

KITABO KU-1446 SKOLINIŲ IŠ TURKŲ IR ARABŲ KALBŲ ADAPTACIJOS PROBLEMA

G. Miškinienė

Reziūmė

Straipsnyje nagrinėjami kitabo Ku-1446 skoliniai iš turkų ir arabų kalbų ir jų adaptacijos problemos. Analizuojami skolinių gramatinių formų ypatumai, reikšmės aiškinimo tekste būdai, tyrinėjami skolinių vartojimo tikslai. Atskirai aptariamai skolinių įtraukimo į senosios baltarusių kalbos leksinį fondą metodai.

DAS PROBLEM DER ADAPTATION DER ARABISCHEN UND TÜRKISCHEN WÖRTER VON KITAB KU-1446

G. Mischkiniene

Zusammenfassung

Der vorliegende Artikel betrachtet das Problem der Entlehnung der arabischen und türkischen Wörter von Kitab KU-1446.

In der Untersuchung werden die Besonderheiten der Form der arabischen und türkischen Entlehnungen der Handschrift KU-1446 analysiert und die Methode der Wortschatz festgestellt.

Es wird gezogen, wie verschieden Lehnübersetzungen in das System der weissrussischen Sprache eingenommen worden sind.

ЛИТЕРАТУРА

Антонович А. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968. 120–131, 328–329.

Булыка А. Лексічная запазычанні ў беларускай мове XVI–XVIII стст. Мінск, 1980. 280.

Дубинский А. Заметки о языке литовских татар // Вопросы языкознания. 1972. № 1. 82–88.

Живов В. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания / Под ред. Г. А. Хабургаева, К. В. Горшковой. Москва: МУ, 1988. 43.

Kričinskis S. Lietuvos totoriai. Vilnius: Mokslo ir encikl. l-kla, 1993. 189.

Łapicz Cz. Kitab tatarów litewsko polskich: (Paleografija. Grafija. Język), Toruń, 1986. 41.

Мишкінене Г. Кітаб з фондаў Казанскага ўніверсітэту № 446 // Записы. New York, 1994. 76–111.

Толстой Н. История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука, 1988. 42.

Шимилевич М. Литовские татары. Этнографический очерк // Виленский календарь. Вильна, 1905. 7.

Шуба П. Пытанні нормы при калькаванні // Аб некаторых асаблівасцях беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1965. 41.

Вильнюсский университет
Кафедра Славянской филологии

январь 1995 г.